

A movie poster for the film 'Tram 56'. The central figure is Nikolai Leonov, wearing a straw boater hat with a red band, a blue and white striped shirt, a dark bow tie, and a brown checkered vest. He is flanked by a man in a Soviet military uniform on the left and a woman in a 1940s style dress and veil on the right. In the background, a tram is visible with smoke coming from its engine. The title 'НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ' is written in large, bold, white Cyrillic letters.

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ТРАКТИР НА ПЯТНИЦКОЙ

Николай Иванович Леонов

Трактир на Пятницкой

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140957

Аннотация

Москва двадцатых годов прошлого столетия... Период НЭПа. Сияют витрины богатых магазинов, переливаются огнями вывески роскошных ресторанов. А в шумном трактире на Пятницкой широко гуляет ловкий карманник Пашка Америка, хмуро сидит за столом налетчик Серый, окруженный своими уркаганами – словом, бурлит лихая уголовная жизнь – жестокая и отчаянная. Именно здесь сыщики начинают свою тайную операцию по ликвидации опасной банды.

На основе романа был снят остросюжетный кинодетектив, рассказывающий об операциях уголовного розыска в первые годы советской власти!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Леонов

Трактир на Пятницкой

Глава первая

Пашка Америка

Пашка стоял на излюбленном месте – у мануфактурной лавки Попова. Перевалило за полдень, стало жарко, а клиент не появлялся. Два раза можно было взять по мелочи, и приказчик Федор многозначительно подымал бровь, но Пашка не шевелился и провожал мелкую рыбешку равнодушным взглядом. На то он и был Пашка Америка, фатовый вор, известный каждому деловому человеку на Пятницкой, Ордынке, Кадашах и даже Сухаревке, чтобы не разменивать себя на пятаки.

Федор постучал в окно, и Пашка вошел в лавку.

– Что же ты? – выдохнул Федор. Он копался в своих книгах и исподлобья поглядывал на Пашку. – Милльона ждешь?

– Подсказчик липовый. Грошовая твоя душа, – Пашка длинно сплюнул на дощатый пол. – У старухи если и есть червонец, так она его из рук не выпустит – а краля зашла на твой барахляный товар позевать, у нее, кажись, и на трамвай нету...

Федор открыл было рот, но дверной колокольчик предостерегающе звякнул, и приказчик заспешил навстречу покупателю.

Пашка посмотрел на щуплую дамочку, прижимающую к груди выдавший виды ридикюль, профессионально определил, что она сегодня не завтракала и обедать пока не собирается, пнул ногой дверь и вышел на улицу.

Лавка эта была хороша для Пашки и тем, что стояла на пути к большим магазинам, и все, кто отправлялся за покупками, обязательно заглядывали в нее. А Пашка уж безошибочно определял, есть ли у человека деньги, где они лежат и стоит ли связываться. Пять дней назад он здесь наколот жирного гуся, который принес Пашке двадцать червонцев. Но это было пять дней назад, а сейчас от этих червонцев осталась лишь головная боль.

Пришло время обедать, и он бодро зашагал по Пятницкой. Чумазый парнишка на углу торговал папиросами. Увидев Пашку, он ловко подхватил спадающие штаны и, шлепая по булыжникам коваными подошвами солдатских ботинок, подбежал к Пашке.

– Завязал, Америка? На сегодня контора закрыта? – спросил он.

– Перерыв на обед, Шкет Иванович. Скоро вернусь. Ты жди, сегодня будет удача.

– Купи папиросочку, Америка. Сделай почин, поддержи мою коммерцию, – пацан протянул раскрытую пачку “Люк-

са”.

– Уговорил, купец, – Пашка взял пару папирос, одну бросил в рот, а другую заложил за ухо.

– Прошу, гражданин-товарищ-барин, – в одно слово выпалил пацан, артистически взмахнул рукой, и в заскорузлой ладошке заплясал огонек спички. – Прикурите-с. Четвертак, Америка.

– На обратном пути, купец. Смотри штаны не потеряй, – Пашка шлепнул его по затылку и пошел в пивную Когана, где мог перекусить в долг. По дороге он думал, что удачи сегодня не будет. И если бы он спьяну вчера не обещал Нинке отметить ее день рождения в “Балчуге”, то пошел бы сейчас спать. Какая же работа с похмелья!

Увидев Пашку, старик Коган быстро налил кружку пива, наложил на тарелку сосисок и швырнул ее по стойке. Кружка с тарелкой, как связанные, скользнули по белой жести и остановились перед Пашкой. Пока он ел, старик: с полотенцем в руках сидел рядом, молчал, вздыхал и смотрел на Пашку грустными слезящимися глазами.

– На мели сидишь. Может, передумал, Паша? – спросил он, когда Пашка отодвинул пустую тарелку и закурил. – По краешку ходишь, не ценишь себя. С твоей внешностью и моим опытом мы бы такую коммерцию организовали!

– Не тарахти, – Пашка встал. – Расплачусь позже.

– Подожди, – старик взял его за рукав. – Утром заходили двое, расспрашивали.

— Знаю я их, — Пашка рыгнул и потянулся. — Районная уголовка. Я им ни к чему. Они рабоче-крестьянскую собственность берегут. Их такие, как Серый, интересуют. Только не вздумай капать. У Серого разговор короткий, — Пашка провел большим пальцем по горлу. — Понял?

— Серый сегодня был. Так я его предупредил, а он смеется.

— Ну-ну, — Пашка махнул рукой и вышел на улицу.

И тут он увидел человека, которого ждал полдня. Увидел, не поверил глазам и зажмурился. Может, он пропадет, развееется как дым? Но тот упрямо стоял, держал в руках бумажник и был красив в своей фраерской непосредственности. Это был толстый мужчина. По шелковой бабочке, галифе и мягким хромовым сапогам Пашка определил, что фраер залетный, то есть не москвич. Он покупал какую-то дребедень в открытой лавке и держал в руках бумажник, а тот раздувался и готов был лопнуть, как фаршированная щука.

Пашка смахнул со лба выступивший пот, вытер руки и подошел ближе. Мужчина, самодовольно улыбаясь, оглядел разложенный на прилавке товар и сказал:

— Эту... как ее... — он пальцем очертил над головой круг.

— Шляпу, — подсказал продавец и повторил: — Шляпу, — внимательно глядя на покупателя, — гражданин желает шляпу... Так, так, — продавец пожевал губами, взял одну шляпу, другую, положил на место. Потом решительно вынул из-под прилавка соломенное канотье. — Пожалуйста, — он отвернулся и стал перекладывать на полке товары.

Станичник надел канотье, посмотрел на себя в зеркало и недовольно хмыкнул.

— Гражданин, — обратился к нему продавец, — где тот босяк, что торговал у меня шляпу? Простите! — он прижал к груди руки. — Это вы?! Боже мой! В этой шляпе вы вылитый Чемберлен!

— Осади. Не на такого напал, — станичник снял канотье и бросил на прилавок.

Когда он отошел, продавец перегнулся через прилавок и тихо сказал Пашке:

— Не забудьте зайти за шляпой, молодой человек. Она вас ждет.

Пашка рассмеялся и опять вытер лоб. Он, не отрываясь, смотрел, куда же станичник положит бумажник.

Чудеса продолжались. Клиент сунул бумажник в задний — чужой, как его называют деловые люди, карман и пошел, широко расставляя ноги и задевая прохожих плечами.

Пашка двинулся следом, свистнул и, когда папиросник подлетел, бросил сквозь зубы:

— За мной. Возьми еще одного.

Клиент перешел мост, и Пашка испугался, что тот оседет в “Балчуге”, а туда Пашке заходить было нельзя. Но клиент прошел мимо ресторана и направился в торговые ряды.

На углу перед торговыми рядами стоял карманник Колька Свищ. Он увидел толстяка и сделал стойку. Проходя мимо, Пашка ткнул его локтем в живот и услышал за спиной

завистливый шепот:

– Фартовый ты, Америка.

Пашка не стал спорить. Наступал решающий момент. Надо подойти вплотную. И все. Только подойти.

Пацаны крутились рядом и ждали сигнала. Толстяк остановился у рыбной лавки и, разинув рот, уставился на огромного осетра, подвешенного за жабры.

– Я пошел, мальчики, – прошептал Пашка и бегом пустился к толстяку. На секунду он к нему прислонился, и бумажник перекочевал в Пашкины брюки, скользнул по колену и тяжело плюхнулся в потайной карман у щиколотки.

– Сколько же эта рыбина стоит? – толстяк отставил ногу и подбоченился.

Рыбник перестал точить нож, посмотрел на толстяка, потом на Пашку и криво улыбнулся.

– Непродажный осетр, – потом, видимо, не удержался и добавил: – Да и денег-то у вас, гражданин хороший, нет.

Толстяк полез в карман, нахмурился и закричал. Пашка стоял в двух шагах и удивленно смотрел на багровое лицо со вздувшимися веревками вен. Он знал, что его крестник будет кричать. Но такого крика Пашка еще никогда не слышал. На этот рокошующий, срывающийся на визг вопль как по команде откликнулись:

– Атас! Срывайся!

И в стороне замелькали вихры мальчишек. Пашка посмотрел в спину рванувшемуся, как борзая, крестьянину и

спросил рыбника:

– Так сколько же стоит этот осетр?

– Ладно, топай себе, Америка. Нечего зубоскалить, и так торговля ни хрена не идет.

– Каждому по труду, – Пашка развел руками и пошел. Бумажник тяжело мотался в брючине и бил по ноге. У “Балчуга” Пашка вновь увидел своего крестника. Тот, отдуваясь и вытирая струившийся по жирной шее пот, что-то объяснял равнодушным прохожим. Пашка точно знал, что именно объясняет прохожим толстяк, и на всякий случай перешел на другую сторону. Он завернул в ближайший двор и, присев на ящик из-под пивных бутылок, вытянул свою добычу. Денег было много. Пашка даже не стал считать их, а просто сунул в карман тугую пачку хрустящих червонцев. Кожаный бумажник с монограммой он бросил за ящик. Жалко, но ничего не поделаешь. Так и сгореть недолго.

Пашка гоголем прошелся по Пятницкой. Дал червонец пацанам, которые уже торговали на своем углу. Купил у них пачку папирос и пообещал, что скоро придет опять. Остановился у лавки, где полчаса назад толстяк торговал канотье, заплатил за него вдвойне и, нахлобучив на голову, отправился к Когану.

– Эх, разменяйте мне сорок миллионов! – крикнул он, появляясь в дверях. – Получи-ка должок, – и бросил червонец на прилавок. – Да налей стопарик.

– Так не положено, Паша, – зашептал старик, быстро пря-

ча деньги. — Я же на водку разрешения не имею.

— А ты налей две: одну мне, другую себе.

— Широкий ты человек, Америка. Недаром от тебя все девки без ума.

От удачи и водки у Пашки кружилась голова. Он решил зайти к Нинке, договориться с ней о вечере, кивнул старику и, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. Хотел остановить лихача и подкатить к Нинкиной хате с шиком, но передумал. В неудобном месте жила девка — прямо напротив районной уголовки. На лихаче там появляться ни к чему. С Нинкой он гулял вторую неделю.

Пашка поравнялся с отделением милиции.

— Паша!

Он остановился и с недоумением посмотрел на незнакомую худенькую девушку.

— Угости папиросочкой, Америка, — сказала девчонка и отвернулась.

Пашка вынул пачку папирос и молча протянул, девчонка вытянула губы трубочкой, прикуривала сосредоточенно, словно выполняла сложное и ответственное дело. Когда Пашка рассеянно кивнул и двинулся дальше, девчонка бросила папиросу, вздохнула и, подняв худые плечи, пошла в другую сторону.

Пашка выпятил грудь и засвистел. Пусть смотрят граждане начальники: идет человек, и ничего такого за ним не имеется. Около этого двухэтажного дома у Пашки каждый раз

пересыхает во рту и ужасно хочется заглянуть внутрь, посмотреть, что они там делают. Он косит глазом и, еле волоча ноги, проходит мимо закрытой двери.

– Антонов! Антонов!

Пашка было приостановился, пытаясь вспомнить, где он слышал эту фамилию.

– Антонов! Павел! Ты что, оглох, парнишка?

Пашка остановился и медленно повернулся. Рядом стоял начальник уголовки, известный среди блатных под кличкой Лошадник.

– Фамилию собственную забыл, – начальник оглядел Пашку, снял с него шляпу, повертел в руках, рассмеялся и спросил: – Каждую кражу отмечаешь обновкой?

– О чем это вы, гражданин...

– Климов, Василий Васильевич, – перебил начальник и протянул Пашке шляпу. – Держи. И зайди на минуточку. Разговор есть, – он круто повернулся и зашагал во двор уголовки.

“Почему Лошадник? Типичная обезьяна, – думал Пашка, глядя на низкорослого, широкоплечего человека на толстых кривых ногах. – И руками аж по коленям шлепает”. Пашка замешкался на пороге. Может, сорваться?

Климов обернулся.

– Страшно стало?

Пашка вошел, сел на предложенный, стул и огляделся. Видно, бьют не здесь. Окна настежь – ежели заорать, так на

всей Пятницкой слышно будет. Ну, для того и подвалы существуют. Интересно, зачем он меня затащил? А может, рыбак накапал? Нет, тогда повязали бы на улице и этот черт ногой не шаркал бы – “зайди на минутку”.

– О чем это ты мечтаешь, Павел? – Климов снял пиджак и расстегнул рубашку. – Чтобы вокруг тебя были одни слепые и у каждого из заднего кармана бумажник торчал? Об этом, что ли?

– Какой бумажник? – Пашка посмотрел на Климова в лицо.

– Ладно, это я так. Может, ты совсем о другом мечтаешь, – Климов миролюбиво улыбнулся и стал набивать трубку. – Кури.

Пашка вытащил “Люкс” и закурил.

– Много я о тебе слышал, Павел Антонов. Ребята шутят, что ты когда-нибудь наган у меня срежешь, – Климов похлопал себя по боку.

– Этим не интересуюсь, – Пашка улыбнулся и опустил глаза, – не по моей части.

– Серый интересуется.

– Какой Серый? – Пашка незаметно вытер о колени вспотевшие ладони. – Что-то вы путаете, начальник.

– Тот самый, что третьего дня комиссионный магазин пытался взять и сторожа убил. Смотри в глаза, – голос у Климова погустел и налился злобой.

Пашка поднял голову и встретился с черными, маленьки-

ми, как буравчики, глазами.

– Я тебя воспитывать, стервеца, не буду, – Климов посту-
чал трубкой по столу. – Ты при Советской власти растешь,
должен соображать, что к чему. Отец где?

– Убили в германскую.

– Мать?

– Белые убили.

– А ты вор. Да еще с Серым путаешься. Если в тебе граж-
данской совести нет, то к убийцам родителей хотя бы лич-
ную ненависть иметь должен!

– Что-то вы темните, начальник. Политику вяжете. Папа-
ню с маманей приплели, – чувствуя, что против него ничего
конкретного нет, Пашка обнаглел. – Не берите меня на ха-
рактер. Я не мальчик и крика не боюсь.

Климов засопел трубкой и тихо спросил:

– И сколько же тебе, не мальчику, годков? Пашка промол-
чал. Что ему надо, этому головастику? Ишь, башка огром-
ная, бритая, шея жилистая. Силен, наверное. Наверняка си-
лен, раз Фильку Блоху один повязал.

– Считаешь, что ли? – Климов ухмыльнулся. – Семна-
дцать тебе годков. Другие в твоём возрасте какие дела дела-
ют, – он задумался и стал ковырять свою трубку. – Я в сем-
надцать лет вот эту трубку от комбрига получил, – он ткнул
мундштуком Пашке в лоб. – Да тебе все это...

– Что – это, начальник? – перебил Пашка. – “При Совет-
ской власти растешь, должен понимать, что к чему”... А кто

сейчас понимает, что к чему? – Пашка посмотрел в удивленное лицо Климова и продолжил: – Буржуи были? И сейчас есть. Бедные, богатые – все по-старому, начальник. Так что вы эту трубочку верните своему командиру, честнее будет...

Климов, стараясь быть спокойным, сказал:

– О политике в другой раз поговорим, Павел. Ты час назад у рыбной лавки станичника дернул...

Пашка знал: нужно что-то говорить, отпираться. Но во рту было сухо и шершаво, будто провели наждачной бумагой, а язык не ворочался.

– Да не смотри ты на меня так. Мне твои глазищи ни к чему. Как рассказал станичник про мальчишек, я сразу понял, что ты. Почерк у тебя особый, – Климов встал и прошелся по кабинету, зачем-то выглянул в окно, вернулся к столу и медленно выговорил: – Посажу я тебя в острог. И отправлю потом по этапу.

Пашка приподнялся, быстро сунул руку в карман и протолкнул деньги в штанину. Теперь, когда он встанет, червонцы сваятся в тайник.

– Руки! – Климов брякнул наганом о стол. – Встать! Кругом!

Пашка повиновался. Он почувствовал, что ствол нагана уперся между лопаток, а рука Климова обшарила пустой карман.

– Садись, паршивец. Думал, стрелять собираешься. Испугался, – Климов облегченно вздохнул. – Сказал, посажу, зна-

чит, точка. На первой же краже и сгоришь. Предупреждаю. Пашка опустилсЯ на стул.

– Ты знаешь, что такое... – Климов запнулся, стал оглядывать стол, потом взял какую-то книгу и заглянул в нее, – что такое презумпция невиновности? Не знаешь. Я тоже не очень, – он на секунду замолчал, потом продолжил: – Такие дела, Павел. Чтобы посадить тебя в острог и отправить потом по этапу, я должен сначала доказать твою вину. Вот ты украл...

– Не крал я, начальник, – Пашка перекрестился.

– Украл, – спокойно сказал Климов. – Ты знаешь, и я знаю, что украл, а посадить тебя не могу.

Пашка попытался опять перебить, но Климов поморщился и застучал трубкой по столу.

– Не хочу я тебя сажать, очень не хочу, Павел, но работа у меня такая... Поэтому, Павел Антонов, если ты воровать не прекратишь, я тебя поймаю с поличным и тогда... Понял?

– Зря вы горячитесь, гражданин начальник, – Пашка развел руками. – Не ворую я.

– Я тебя предупредил, – сказал Климов и кивнул на дверь. – Иди пока.

Пашка спустился по лестнице, прошел два квартала и только тогда оглянулся. На хвосте никого не было. Не пойдет он к этой Нинке. Пусть сама ищет. А начальничек-то ничего. Ушлый. Все знает. И имя, и фамилию, и сколько лет, и про отца с матерью.

– Америка! – путаясь в штанах, к нему бежал шкет с папиросами. – Дело есть. И зашептал в самое ухо:

– Тебя Серый ищет. Сказал, чтобы ты шел в “Три ступеньки”.

– На, держи, – Пашка протянул мальцу червонец. – Завязал я.

– Эх, верное дело было, – вздохнул малец. – Неужто догадалась уголовка?

– Топай, шкет, – Пашка отвернулся.

– Я всегда на своем углу, Америка, если что – свистни.

Пашка сдвинул на затылок шляпу. И откуда он все знает, этот мент? Рассказать Серому или нет? А может, и не ходить? Может, переждать? Деньги есть. Осесть у той же Нинки и переждать? Но ноги сами несли его к “Трем ступенькам”.

На стене старого четырехэтажного дома красовалась вывеска ресторана “Встреча”, но никто в округе такого ресторана не знал, заведение было известно как трактир “Три ступеньки”.

Трактир находился в полуподвале старого дома. К тяжелой дубовой двери вели три щербатые ступеньки. Зимой Пашка не вылезал из этого заведения.

К вечеру здесь собирались деловые люди со всей округи. В задних комнатах начиналась крупная игра. Со двора заскакивали ребятишки с горячим, левым товаром, шептались с хозяином заведения, отцом Василием (так его звали за при-

вычку непрестанно креститься). Потом рассаживались в зале за круглыми столами. Заходили погреться девочки, и начинались “свадьбы”, или “крестины”, или “поминки”.

Гульба всегда имела какое-нибудь пристойное название. Гуляли тихо, говорили чинно и понимали друг друга с полуслова. За всю зиму Пашка не помнит ни одной драки или скандала. В случае надобности предложение “выйти во двор” делалось как бы между прочим. Скандалист в залу не возвращался, и о нем никто не вспоминал.

Но ранней весной появился Серый. Он вошел с двумя здоровыми флегматичными парнями, которые за весь вечер не сказали ни слова. Отец Василий поклонился новым гостям еще ниже обычного и обслужил их сам.

Позже Пашка узнал, что Серый с хозяином “Трех ступенек” – старые знакомые.

В тот вечер Серый скромно сидел в углу, ничего не ел и почти не пил. Он внимательно и подолгу рассматривал каждого посетителя, изредка подзывал хозяина и что-то у него спрашивал.

Пашке новичок не понравился сразу. Не понравилась подобострастность отца Василия. Не понравились серое, в темной сыпи лицо, оловянный взгляд больших, навывате глаз, суетливые руки, животная жадность и молчаливость спутников.

Когда захлопали задние двери, и в залу ввалился Петька Вихрь с друзьями и красавицей Варькой, Пашка понял,

что быть беде. Отец Василий усадил Петьку в самый дальний угол, кивнул половым, а сам бросился к Серому и стал его о чем-то просить. Тот качал отрицательно головой и не сводил глаз с Варьки.

Пашка не видел, с чего началось, и поднял голову, только когда Вихрь вылез из-за стола, ухмыляясь, и, многозначительно засунув руки в карманы, пошел к выходу. Но Серый вызова не принял и спокойно сидел на своем месте. Тогда Петька, покачиваясь, подошел к столу Серого. Тот вынул из-под стола руку с пистолетом и выстрелил Петьке в лицо.

Громилы, сидевшие с Серым за одним столом, вскочили и направили наганы на корешей Петьки. Потом поставили их лицом к стене и отобрали пушки и финки. Делали они это быстро, ловко и явно не впервой. Самого Петьку завернули в шубу, выволокли во двор, и через несколько минут знаменитый налетчик отправился в свое последнее путешествие.

Серый в это время сидел безучастно за столом, вертел в руке пустую рюмку и поглядывал на Варьку.

Так он пришел к власти. Теперь Варька спит с Серым, а Петькины кореша у него на побегушках.

Все это не коснулось бы Пашки Америки, но в последнее время Серый стал приглашать его к своему столу. И сейчас предложение явиться в трактир ничего хорошего не предвещало.

Как только Пашка вошел, к нему подлетел половой Николай.

– Заждались тебя, Америка. В кабинет, пожалуйста, – и бросился между столиками. – Сюда.

Серый сидел на диванчике, ковырял вилкой квашеную капусту и что-то выговаривал Варваре. Увидев Пашку, он довольно улыбнулся и, видно, заканчивая разговор, сказал:

– Говорю, собирай шмотки, значит, амба.

Варька зевнула, потянулась и подошла к Пашке.

– Пашенька, родненький, – она обняла его за плечи и заглянула в глаза. – Хоть ты заступись за меня.

Пашка резко отстранился. Уж он-то точно знал, что ласки Варвары добром кончиться не могут.

Серый нахмурился.

– Сказал, иди, не лапай парня. Он мне еще нужен.

– Хочешь меня рядом с Вихрем положить? Не выйдет, – сказал Пашка, глядя в потолок.

– С каким Вихрем, Пашенька? – спросила удивленно Варвара. И было в ее вопросе столько равнодушного недоумения, что Пашка, не зная, что ответить, растерянно смотрел ей в глаза.

Из-за портьеры выскользнул отец Василий и подтолкнул Варьку под крутой локоть.

– С богом, Варварушка. Иди с богом. Не гневи мужика понапрасну. Колька! – крикнул он визгливо, а когда рыжие вихры полового просунулись в кабинет, елеинным голосом сказал: – Избави тебя бог, Ни́колушка, без вызова в кабинеты заходить. В зале будь. В зале. А я здесь сам уж по-стариков-

ски обслуживаю дорогих гостей.

Пашка стоял в стороне и недовольно поглядывал то на Серого, то на причитающего хозяина. За тонкой перегородкой шумела пьяная компания. Серый кивнул на нее и пробормотал:

– Передай, отец, чтобы смотрели в оба. И не напивались бы до зеленого змия.

– Выполню, сынок, – хозяин сменил скатерть, расставил чистые приборы и ушел.

Пашка сел, налил водки и выпил. Серый явно был не в себе и расхаживал по тесному кабинету.

– Что за разговор? – спросил Пашка, выпил рюмку и взял горсть маслин.

– Ты свой в доску, Америка. Хочу с тобой покумекать, – Серый наконец сел и налил в бокал квасу – Помощь твоя нужна.

– Чем это может желторотый шкет помочь червонному валету? – Пашка потянулся к графину, но Серый его остановил:

– Потом выпьем, Америка. Слушай, – он подвинулся ближе и зашептал: – Ты ведь в округе всех блатных знаешь?

– А ты?

– Я на курорте червонец тянул, моих корешей сейчас нет в городе. Тут вот какое дело, – Серый замолчал и положил на стол наган. – Разговор серьезный. Понял?

– Не будет разговора, – встал Пашка. – Мне твои дела ни

к чему.

Серый вскочил и крикнул:

– Будет!

За стеной замолчали, а через секунду портьеру отодвинула обвислая физиономия Свистка.

– Звал? – спросил Свисток и наполнил кабинет удушливым перегаром.

Серый махнул рукой – подручный скрылся, и тут же появился хозяин. Отец Василий шмыгнул мимо Пашки, взял со стола наган и убрал под сюртук.

– Сохрани господь и помилуй, – он быстро перекрестился. – По-хорошему надо, сынок. Только по-хорошему. Ты говори, а я посижу с вами, рюмашечку выпью, может, и помогу советом. Сядь, Пашенька, сядь, родной, и выслушай божьего человека.

Пашка посмотрел в оловянные глаза божьего человека и решил, что лучше сесть.

– Вот и слава богу, вот и поговорим, – причитал хозяин.

– Да заткнись ты, – Пашка выругался, оттолкнул Серого и налил себе водки. – Что привязались? Один пушкой об стол грохочет, хотя за стеной бандю-ги сидят. Другой... – он опять выругался и выпил.

Серый говорил долго, хватал Пашку за плечи, грозил, потом хватался за пустой карман. Наконец Пашка вышел на улицу и побрел совершенно трезвый, хотя выпил графин водки. На свою беду, Пашка многое понял из этого разгово-

ра.

У Серого в уголовке свой человек имеется. Но последний месяц – одни неудачи. Трижды налетел на засаду. Вывод один: засунул им начальник своего парня и посмеивается. Все сгореть могут – и Серый, и тот человек в уголовке. Не знает Серый местное ворье, потому и раскрывает свои карты. Не знает, кто действительно ворует, а кто только фасон держит. Он назвал десяток имен, кого можно подозревать, и закончил: “Узнай, Америка! Озолочу. Пришьем мента, сделаем дело – и айда из Москвы. А ты, Пашка, можешь оставаться”.

Только Пашка не дурак. Если он и узнает, то его шлепнут раньше, чем этого мента. И если не узнает – шлепнут. С одной стороны Серый, с другой – уголовка. Сгорел мальчишечка.

Глава вторая

В районном уголовном розыске

Климов отложил книгу и опять посмотрел на часы и телефон. Часы тикали, телефон молчал. Климов встал, одернул пиджак и прошелся по кабинету. Вынул из кобуры наган, повертел и бросил на стол. При его нынешней работе наган был явно ни к чему. Уже месяц он расхаживает по кабинету и смотрит на часы и телефон.

Часы тикают. Телефон молчит.

– На этом закончим, товарищи, – сказал начальник, закрывая совещание. Потом оглядел присутствующих, нашел Климова и сказал: – Останься, Василий Васильевич.

Климов чувствовал на себе насмешливые и сочувствующие взгляды сотрудников. Он поплотнев устроился в кресле и вытащил из нагрудного кармана трубку. Не курить три часа подряд он не мог.

Начальник открыл окно, заложил руки за спину и стал ходить по кабинету, изредка останавливаясь и покачиваясь на носках.

– М-да, – наконец проговорил он. – Ну, давай, Василий, подробно и коротко расскажи о делах в районе.

– Вы же знаете, товарищ начальник, – Климов передвинул трубку в угол рта.

– В твоих рапортах сам черт не разберется. Сказал, выкладывай. Подробно и коротко, – он повернулся спиной к Климову и начал изучать оперативную карту города.

Климов подошел и встал рядом.

– Десятого мая налет на инкассатора в Старомонетном, – он ткнул трубкой в карту. – Инкассатор убит, количество налетчиков и их приметы неизвестны. Пятнадцатого – магазин на Ордынке. Показания очевидцев путанные: то ли четверо, то ли пятеро, все вооружены. Примет опять никаких. Шестнадцатого – касса на Малой Якиманке.

– И тут вы зацепились.

– Зацепились. Всплыл уголовник – рецидивист Рыбин, известный среди налетчиков под кличкой Серый. Выявили его штаб-квартиру – трактир “Три ступеньки”.

– Хватит, – начальник махнул рукой и отошел от карты. – Скажи, где расставляли засады?

– Вы же знаете, – с тоской протянул Климов.

– Сядь, Василий. Я бы тебе всыпал, – начальник потер коротко стриженную шишковатую голову. – Обязательно всыпал бы, если бы сам не дал промашку. Смотри, что получается, – он подвинул лист бумаги и стал писать. – Шесть налетов за месяц. Вы выходите на Серого после третьего, и он это, конечно, чувствует.

– Но доказательств-то никаких!

– Рассуждай здраво. Как должен действовать налетчик, если чувствует, что ему наступают на хвост?

– Уйти на дно и отсидеться.

– Или перейти в другой конец города. Серый же, наоборот, совершает еще три налета, и все в одном районе. Почему? Почему, спрашивается, он прицепился именно к тебе? Утечка у тебя.

– Что? – Климов поднялся.

– Утечка у тебя в отделе. Вот что. Понял?

– Как это – утечка? – Климов забежал по кабинету. – Предатель, что ли?

– Если хочешь, так. Ты сядь, не мельтеши перед глазами. И я тебе не барышня, мне твои переживания ни к чему. Сядь, говорю!

Климов смотрел начальнику в глаза и видел своих ребят. Усталые, издерганные, с осунувшимися лицами, они больше месяца не уходят с работы. Когда сегодня вызвали на совещание, каждый заходил к нему в кабинет, неумело подбадривал, что-то говорил, советовал.

– Что ты как лунатик? – раздался издалека голос начальника. – Чаю хочешь?

– Не может этого быть. Не может. Ясно?

– На, выпей, – начальник пододвинул стакан. – И слушай меня, а не смотри стеклянными глазами. – Он тряхнул Климова за плечо. – Я ничего плохого про твоих хлопцев сказать не хочу. Утечка – не обязательно предательство. Молодо-зелено, у кого-то может быть девчонка или приятель откровенные разговоры, то да се.

– Уверен, что никто из ребят...

– А я уверен, что так оно и есть, – перебил начальник, – и другого быть не может. Ясно? Знает Серый, что ты на него вышел? Наверняка знает. Однако не уходит из твоего района. Значит, имеет точную информацию.

– Так что же, мне теперь каждого подозревать?

– Подозревать не надо. Рыбина надо взять с поличным, и все образуется. И учти, что он, видимо, только исполнитель. Я эту сволочь давно знаю: жесток, дерзок, но прямолинеен. До такого фортеля ему не додуматься. Ищи фигуру крупнее, копай глубже, а Серого не бери, пока он не выведет тебя на главаря. Воюй их же оружием: они тебе подсунули своего человека, ты им – двух своих. Только вот людьми я тебе помочь не могу. Нету людей, – начальник развел руками.

С этим Климов и ушел. На совещании в отделе, пряча от ребят глаза, он объявил:

– Чертовщина получается. Дали мне срочное задание. Придется вам Серого добивать без меня. Зайцева прошу остаться.

Зайцев был его заместителем. Год назад Климову сообщили, что ему назначают заместителя, и дали прочитать характеристику Зайцева. Характеристика была написана большим начальником ВЧК, в ней говорилось, что будущий заместитель абсолютно надежен, умен, опытен и инициативен.

“Раз он такое золото, могли бы оставить себе”, – подумал Климов, но окончательных выводов до личного знакомства с

Зайцевым делать не стал. Зайцев оказался человеком неприятным: жилистый, подтянутый, с точными и скупыми движениями и скрипучим недовольным голосом. Выбритый до синевы и причесанный волосок к волоску, безукоризненно вежливый, он замораживал окружающих и держал всех на почтительном расстоянии. Даже матерые уголовники разговаривали с ним без мата и на “вы”. С Климовым Зайцев никогда не спорил, просто излагал свою точку зрения и молча выполнял полученные указания. Потом, когда выяснялось, что прав был заместитель, а не начальник, Зайцев ничего не говорил; если же Климов сам начинал разговор, заместитель смотрел на него, как на ребенка, который упрямо познает мир на ощупь и, не веря взрослым, должен сам убедиться, что кипяток – горячий, а соль – соленая.

Но в одном заместитель устраивал Климова: он не любил участвовать в облавах, засадах и предпочитал круглые сутки заниматься задержанными. Допрашивал он мастерски, терпением, логикой и подчеркнутой вежливостью всегда добивался блестящих результатов.

Сейчас Зайцев вертел в руках коробочку монпансье, с которой никогда не расставался, а Климов, роясь в бумагах, не знал, с чего начать, ведь от заместителя нельзя отделаться заявлением о “чертовщине и. срочном задании”.

– Решили начать с другого конца? – спросил неожиданно Зайцев. – Поняли все-таки, что в отделе утечка?

– Прошу вас временно возглавить работу отдела, – не от-

вечая на вопрос, сказал Климов.

– А Серого пока оставить в покое? – Зайцев открыл коробочку и стал выуживать очередной леденец. – Не хотите отвечать – не надо. Мне и так все ясно.

– Вот и отлично. Значит, договорились, – Климов встал, проводил взглядом молча вышедшего Зайцева и взялся за телефон.

Он позвонил в Киев, где в уголовном розыске работал его лучший друг, и объяснил, что в Москву на месяц необходима пара хороших ребят.

Друг довольно хохотнул, обозвал Климова шутником и спросил о здоровье.

Климов пригрозил небесными карами, кулачной расправой и два раза повторил: “Как друга прошу”.

Друг тяжело вздохнул и сказал:

– Значит, тебе совсем плохо, Васек. Встречай на вокзале в четверг. Встань в сторонке, они тебя сами найдут. Золотых ребят, – он замолчал, а потом добавил: – сыновей посылаю.

Отправляясь на вокзал, Климов решил часть пути проделать пешком. Климов шел по самому краю тротуара, стараясь держаться подальше от стоявших в дверях своих заведений хозяйчиков, которые два года назад, словно клопы, вылезли из своих щелей, сначала робко, а потом деловито забегали и засуетились, размножаясь и жирея прямо на глазах.

Климов шел, заложив руки за спину, намеренно подчеркивал свою неуклюжесть, сутулился и загребал ногами боль-

ше обычного. Посасывая трубку, он следил краем глаза за нэпманами и делал вид, что не замечает самодовольных, правда тщательно прикрытых угодливой улыбочкой, лиц. Климову казалось, что всем своим видом они говорят: это вам, гражданин, не семнадцатый год. Разве вы можете без нас существовать? Жрать захотели – и лапки кверху. Мир перекраивать вы горазды, ломать и отнимать – вы мастаки, но одними идеями не прокормишься, избирательские права оставили себе, а обедать к нам ходите? Еще посмотрим: кто – кого.

Климов знал, “кто – кого”, но сейчас старался быстрее миновать район, где на него смотрят с любопытством или с плохо скрываемой злобой.

Случайно взглянув на другую сторону улицы, Климов увидел, что в центре небольшой группы любопытных торчит лохматая голова Интеллигента – известного в округе забулдыги и мошенника. Щедро пересыпая матерщину иностранными словами, Интеллигент возмущался наглостью нетрудового элемента, вопрошал, за что погибли товарищи и зачем он, рабочий класс, делал революцию? Климов подошел ближе и понял, что проходимец призывает граждан разгромить к “чертовой матери” пивную Когана, откуда его, трудового человека, только что нахально выставили. Климов протиснулся в первый ряд, оратор поперхнулся и сделал шаг в молчаливо стоящую толпу, но Климов взял его за рукав и спросил:

– В рабочий класс перековываешься, бандит? Выпить не на что? Хочешь, я тебя за подстрекательство к грабежу в острог упрячу?

Толпа притихла. Интеллигент молчал, а Климов оглянулся и заметил в задних рядах двух молодых ребят.

– Рабфаковцы? – спросил он и, получив утвердительный ответ, попросил: – Выручайте, ребята. Мне сейчас некогда, отведите “рабочий класс” в милицию и скажите дежурному, что Климов велел задержать до вечера. Сделаете?

– Конечно, товарищ Климов, – сказал высокий худой блондин в застиранной гимнастерке и взял жулика под руку. – Хлопцы, пошли быстрее, а то опоздаем.

Климов посмотрел вслед рабфаковцам и что-то объясняющему им Интеллигенту, перевел взгляд на разочарованных зрителей и пошел дальше. Он не успел дойти до набережной, как снова попал в историю. На углу у аптеки торговала пирожками старушка Фроловна. Хрустящие, тающие во рту пирожки с ливером жевала вся Пятницкая. Беда была в том, что трудолюбивая старушка упрямо не приобретала патент, и Климов дважды отбирал у нее корзину, штрафовал и терпеливо объяснял, как легко и дешево она может легализовать свое “предприятие”. Поджав сухие губы, старушка выслушивала Климова, потом, положив на стол коричневые, изуродованные многолетней работой руки и, скорбно качая головой, рассказывала, сколько она кладет яиц, масла и других снадобий в свои пирожки и что навару она имеет одну

копейку со штуки. А за эту копейку она не присядет целый день, а булочник Шмагин – жулик, он бесится, что все покупают пирожки у нее, Фроловны. А покупают потому, что... И вновь начиналось перечисление, сколько фунтов масла и дюжин яиц она кладет в тесто. Когда после второго штрафа Фроловна со своей корзинкой вновь появилась у аптеки, Климов сдался и сказал ребятам, чтобы старуху не трогали, а сам стал ходить по другой стороне, делая вид, что он ничего не знает и не видят.

Сейчас Климов зазевался и налетел на Фроловну. Оказавшись нос к носу с “подпольной буржуйкой”, он чертыхнулся и остановился в нерешительности.

– Сгорела бабка, – сказал какой-то босяк, взял из корзины пирог и откусил сразу половину.

Климов посмотрел на съезжившуюся старушку, вспомнил огромный живот и лоснящуюся физиономию булочника Шмагина, его жирные, в кольцах руки, которыми он развел в недоумении, явившись как-то “искать правду и просить защиты у справедливых товарищей”. Климов вспомнил все это, вздохнул, взял из корзины пирог, откусил и, подмигнув босяку, сказал:

– Хороши пироги, а как приобрела Фроловна патент, так стали еще вкуснее. – Он бросил в кружку пятак. – Не забудь заплатить, орел, – добавил Климов, отходя от причитающей старушки.

Климов был уверен, что булочник, конечно, узнает о слу-

чившемся и напишет на него жалобу.

На вокзале, когда состав в последний раз вздрогнул и остановился, Климов отошел в сторонку от хлынувшего потока пассажиров и встал, подбоченившись, широко расставив короткие ноги. “Уж что я в прошлом кавалерист – это они точно знают”, – думал он, вглядываясь в вереницу быстро мелькающих лиц.

– Здравствуйте, Василий Васильевич! – услышал он над самым ухом, повернулся и чуть было не выругался.

Они были совсем пацаны, эти агенты. Ну, если сказать восемнадцать – значит, наверняка прибавить.

– Николай Панин, – сказал один и тряхнул рыжими кудрями.

– Михаил Лавров, – высокий худой юноша смущенно улыбнулся, и Климов почувствовал в своей руке тонкую ладонь.

– Ну и добре, – почему-то на украинский манер сказал Климов. – Поехали, хлопцы.

Ребята подхватили мешки и зашагали рядом. Климов шел молча и только иногда поглядывал на своих спутников. В трамвае Панин и Лавров уселись напротив, и Климов имел возможность разглядеть их как следует.

Панин был среднего роста, широкоплеч и рыж. Сквозь веснушки проглядывала нежная розовая кожа, круглые глаза были беспокойны, как ртуть, а нос воинственно торчал вверх. Он безуспешно старался закрыть рот, который

все время расплзался в мальчишеской довольной улыбке. Он был прост и улыбался так откровенно и радостно, что невольно появлялась мысль, не прячется ли за этой белозубой улыбкой тот самый русский мужичок, который готов по простоте душевной играть в подкидного дурака с чертом и требовать в невесты цареву дочку.

Михаил Лавров был высок, худ и черноволос. В лице его было что-то иноземное. Возможно, кто-нибудь из его предков шагал среди гренадеров Наполеона. А может, еще раньше, с гиканьем и свистом, размахивая кривой саблей, катился с лавиной татарской конницы. Или с серьгой в ухе днем шел по деревням в обнимку с медведем, а ночью воровал лошадей, прихватывая впридачу покой русоголовых девчат. Потому и соединились в лице Лаврова серые загадочные глаза, нос с горбинкой и широковатые скулы.

Они сошли на Зубовской, свернули в переулок и поднялись на второй этаж маленького кирпичного дома.

– Ваше временное жилье, – сказал Климов, останавливаясь перед дверью с большим висячим замком. – Открывайте. – Он достал из кармана два ключа.

Панин открыл замок, широко распахнул дверь и по-хозяйски оглядел почти пустую комнату.

– Моя, – сказал он и бросил мешок на кровать у окна. Хлопнул себя по бедрам и прошелся чечеточкой по щербатому паркету. – Мишка, мы с тобой домовладельцы.

Лавров улыбнулся и, как бы извиняясь за товарища, ска-

зал:

– Спасибо, Василий Васильевич. Мы здесь недолго задержимся, – он вошел в комнату и сел к столу.

– Ясное дело, что недолго, – Панин круто повернулся на каблуках и стрельнул в Климова озорным взглядом. – Появляем ваших бандюг – и айда домой.

Климов стоял на пороге, все не решаясь войти и закрыть дверь. Казалось, что, пока дверь открыта, можно еще отказаться от этой затеи. Не посылать ребят в лапы к Серому, распутывать все одному, не прятаться за чужие спины.

Лавров опять мягко улыбнулся и, как бы отвечая на мысли Климова, сказал:

– Входите же, Василий Васильевич. Все будет в порядке. Да не обращайтесь внимания на Кольку. Он, вообще-то, серьезный мужик.

Серьезный мужик подлетел к Климову, втолкнул его в комнату и захлопнул дверь.

– Вам вот такой привет от бати, – Панин растопырил руки до отказа. – Он рассказывал, как вы беляков рубали.

Климов улыбнулся. Тяжело ступая по скрипучему паркету, прошел в комнату и уселся верхом на стул.

– Смотри, Мишка, Василий Васильевич сидит на стуле точно как батя.

– Сядь и ты так. Кто тебе мешает? – Лавров сердито посмотрел на товарища.

Климов расстелил на столе карту района. Долго при-

хлопывал по ней большими ладонями, выравнивая сгибы. Откашлялся и начал говорить. Рассказал о появлении неизвестной банды налетчиков. О том, почему пришли к выводу, что бандитов возглавляет Серый. О его коварстве и жестокости. О жертвах. О неудачных засадах.

Ребята слушали внимательно. Панин то и дело вскакивал, смотрел на карту, переживая неудачи районного уголовного розыска, кряхтел и тряс рыжими вихрами. Лавров сидел неподвижно, с отсутствующим выражением на лице и лишь иногда косился на карту.

– Вот такие дела, – Климов облокотился на стол и посмотрел на ребят. – Следовательно, ваши задачи следующие. Стать своими людьми в “Трех ступеньках”. Выяснить, кто стоит за Серым. Предоставить мне возможность взять его с поличным или найти иные доказательства его преступной деятельности. И... – Климов замолчал и перевел дух.

– Обнаружить канал, по которому Серый получает информацию о работе вашего отдела, – тихо сказал Лавров и пнул ногой товарища, который уже выговорил было слово “предатель”.

– Да, канал, – пробормотал Климов, отворачиваясь. И в который раз стал мысленно вглядываться в лица сотрудников своего отдела.

Рядом раздался какой-то треск, и Климов вернулся к действительности: видимо, это был звук затрещины, так как Панин стоял со стулом в руках, его щека и ухо стали вишневы-

ми.

Лавров по-девичьи взмахнул длинными ресницами, чуть улыбнулся и сказал:

– Николай интересуется, есть у вас предложения по вводу нас в окружение Серого?

– Есть отличная версия, но только для одного, – Климов посмотрел на ухо Панина и еле сдержал улыбку. – Для Николая. Ты, Лавров, для моей версии фотокарточкой не вышел. Тебе придется искать подходы к банде самостоятельно.

Климов говорил, а сам думал о другом. Как убедить ребят быть осторожными? Как объяснить, что риск надо свести к минимуму? Что они, ребята, очень нужны живые? Он вынул трубку и стал закуривать.

– Можно посмотреть, Василий Васильевич? – Панин смотрел на трубку, сдвинув белесые ниточки бровей. – Та самая, что от комбрига получили? Да?

– Та самая, – Климов протянул трубку. – Смотри и слушай, – он заложил руки за спину и стал расхаживать по комнате. – Сейчас стране трудно. Очень трудно, Николай. Новая экономическая политика. Задача – не умереть от голода. Не хватает денег. Не хватает хлеба. Специалистов. Машин. Всего не хватает, и везде идет бой, – Климов замолчал и посмотрел на притихших ребят. – Не хватает людей и знаний. Я плохой начальник уголовного розыска, а оратор – еще хуже. Ты должен понять это сам, – он смеялся и пояснил: – Понять не то, что я плохой оратор, а что именно я те-

бе втолковываю. Самая большая ценность, какая есть сейчас у большевиков, это люди. Это ты, Николай, и ты, Михаил. Такие, как вы, необходимы большевикам. Абсолютно необходимы. Люди важнее, чем валюта, чем хлеб, чем машины и прочее. Вы являетесь хранителями своих жизней и не имеете права распоряжаться этим легкомысленно. Ваша жизнь принадлежит партии и народу. Вы выполняете специальное задание партии, и непременным условием этого задания является сохранение жизни Николая Панина и Михаила Лаврова, – Климов тяжело перевел дух и вполголоса добавил: – Кроме того, существую я. С сегодняшнего дня я, боевой командир и большевик Василий Климов, в ваших руках. Если вы ошибетесь, то все, что я в жизни сделал стоящего, будет зачеркнуто. Раз и навсегда. Вашу смерть мне не простят. Никто не простит. И я сам не прощу.

Климов подошел к Лаврову и обнял его за худые плечи.

– Вам будет трудно. Чужой мир, чужой язык и обычаи. Много плохих людей.

Лавров сжал руку Климова и сказал:

– Сделаем, Василий Васильевич. Можете не сомневаться. В наши с Николаем планы входит долгая жизнь. До самого коммунизма, – он встал, вынул из кармана конверт и протянул Климову. – Наши удостоверения и прочие документы. И вот еще, – Лавров положил на стол наган. – Нельзя оставлять. Николай, где твоя пушка?

Панин молча положил на стол наган, высыпал горсть па-

тронов и расставил их аккуратно в ряд.

Климов вынул из кармана небольшой новенький маузер и протянул его Лаврову:

– Обращаться умеешь?

Ребята как замороженные смотрели на заграничный пистолет.

– Бери, Лавров. Будешь все время иметь его при себе. Это не наган, спрячешь – и порядок. А тебе, Николай, по моей версии, пистолет иметь невозможно. Ты его и видеть-то никогда не видел.

Панин с завистью смотрел на блестящее оружие, потом решительно взял маузер, положил в карман и сделал шаг назад.

– Я отдам, Михаил. Честное комсомольское – отдам. Как будем выходить из дома, так и отдам.

Климов посмотрел на покрасневшего Панина и подумал: “Эх, играть бы тебе еще в солдатики и в казаки-разбойники”, – а вслух сказал:

– Вот еще пособие, – и положил на стол маленькую коричневую книжку. – Словарь воровского и арестантского жаргона. Составил пристав Попов.

Лавров взял словарь в руки и стал с интересом его листать.

– Николай, – он улыбнулся и посмотрел на приятеля, – знаешь, как ты называешься у жуликов? Кадет.

– Почему кадет? – Панин подошел и потянул из рук Лаврова словарь.

– Кадет. То есть неопытный, молодой сыщик. Панин заглянул в словарь.

– Неопытный, говоришь, – он перевернул несколько страниц. – А ты фига. Мишка. Фига, – он сложил кукиш и показал приятелю. – Сыщик. Фига – значит, сыщик.

– Хватит баловаться, ребята, – Климов встал и одернул пиджак. – Сидите здесь. Пока на улицу не выходите. Завтра принесу документы и начнем ввод Панина. А ты, – он повернулся к Лаврову, – думай, как влезать в трактир будешь.

– Я уже кое-что придумал, Василий Васильевич.

– Завтра обсудим, – Климов пошел к двери, на пороге остановился и посмотрел на ребят. Рыжая и черная головы склонились над словарем. Он махнул рукой и вышел на лестницу.

С тех пор прошло больше месяца. Панина ввели в воровскую среду по версии Климова. Лавров вошел сам. Сделал он это быстро и ловко. Уже на очередной встрече с Климовым Панин, блестя хитрыми глазами, сказал:

– Михаил прийти не может, бражничает с Серым. Лучшие друзья, водой не разольешь.

Потом началось ожидание. Через несколько дней раздался телефонный звонок.

– Сегодня ночью. Ювелирный магазин на Житной, – сказал Панин и повесил трубку.

Климов назначил на вечер совещание и, когда все собрались, объявил:

– Сейчас идем в засаду. Домой прошу никого не заходить и без моего разрешения никуда не отлучаться, в отделе остается один Зайцев.

Серый оказался хитрее. Видимо, его наводчик был у магазина и видел, как подъехали сотрудники уголовного розыска, и налетчики не явились. На следующий день Панин рассказал, что Серый ходит злой как черт.

Климов посмотрел на часы и телефон.

Часы тикают. Телефон молчит.

Вчера Серый пытался взять ломбард и попал в засаду. Потерял двух человек и ушел. Дьявольский нюх у этого налетчика. Бандиты появились совсем не с той стороны, откуда их ждали. Завязалась перестрелка. Климов не столько следил за бандитами, сколько разглядывал своих ребят. Все вели себя безукоризненно. Когда стало ясно, что Серый уходит, Володька Сомов по водосточной трубе поднялся на крышу дома, переполз в параллельный переулок и с шестиметровой высоты прыгнул на одного из налетчиков. Свидетеля получить не удалось. Сомов сломал себе ногу, а бандит скончался на месте, не приходя в сознание.

Когда приехали в отдел, Пахомыч, как звали сотрудники богатыря Шленова, погладил гусарские усы и пробасил:

– Не понимаю, чего мы цацкаемся с этими бандитами, ведь известно, где они засели. Айда с утречка в трактир и повяжем голубчиков, а лучше перестреляем, так сказать, в порядке самозащиты.

– Брось чепуху говорить, Пахомыч, – перебил усача Лапшин. – Меня другое интересует: кто получил данные о сегодняшнем налете? Почему мы рванулись без подготовки?

– Данные о налете были получены из управления, – вмешался молчавший до этого Зайцев. – А насчет подготовки – Лапшин прав. На эту банду нельзя идти, словно в кавалерийскую атаку.

– Хватит разговоров, – перебил заместителя Климов, – отправляйтесь спать.

Зайцев задержался в кабинете и, кривя тонкие губы, сказал:

– Плохо работаете, Климов. Надо было дать людям поговорить, а мы бы послушали.

Чувствуя, что заместитель опять прав, Климов промолчал.

Это было вчера. А сегодня Панин не явился в назначенный срок. Климов прождал больше часа, вернулся в кабинет, боясь выйти даже в уборную и ожидая звонка. Он посмотрел на часы и телефон.

Часы тикали. Телефон молчал.

Глава третья

Серж

Пашка проснулся, вытер о подушку вспотевшее лицо, перевернулся на спину и с хрустом потянулся. Он посмотрел на розовые, в цветочках обои и знакомое пятно на потолке. Оно было похоже на одноглазую рыбу с огромным хвостом и хищной пастью.

– С добрым утром, зубастая, – сказал Пашка, сел, по-турецки подогнув ноги, и крикнул: – Нинка!

– Мадемуазель вышла.

Пашка повернулся на голос, недоуменно посмотрел на занавеску, разделявшую комнату на спальню и столовую, и спросил:

– Кто это?

– Серж. С твоего позволения.

Заскрипел стул, занавеска отдернулась и пропустила высокую прямую фигуру в застегнутом наглухо мундире.

– Серж? – удивленно протянул Пашка. – Какая нелегкая занесла? – он соскочил с кровати и, поглядывая на неожиданного гостя, стал быстро одеваться.

– Тебя нельзя заподозрить в излишней любезности, – Серж надменно улыбнулся и согнул в кольцо гибкую трость, которую держал в руках.

– Мы с тобой кореша? Заявился в такую рань. И как ты узнал про эту малину?

Серне пожал плечами.

– Теперешние товарищи говорят: будущее за теми, кто рано встает. Когда человек мне нужен, я его нахожу.

– У меня таких товарищей нет. А Пашка Америка теперь всем нужен. Могу открыть юридическую контору. Червонец за совет.

– Пашка взял полотенце и вышел из комнаты. Он запустил примус, поставил чайник и стал умываться. Что нужно этому барчуку? И вообще, кто он такой, этот Серж? После вчерашнего разговора с Серым все посетители “Трех ступенек” стали для Пашки подозрительны. Среди десятка имен, названных Серым, был и этот длинноногий франт.

Пашка задержался на кухне и стал вспоминать, что ему известно о госте.

Он появился месяц или два назад. Его привела одна из Нинкиных подруг. С тех пор он сшивается в трактире каждый вечер. Он слишком выделялся среди постоянных посетителей, и поэтому Пашка сразу обратил на него внимание. А когда увидел узкие руки с длинными пальцами, решил, что новичок – соратник по профессии. Пашка знал одного такого же франта с наманикюренными руками. Так тот в “Балчуге” вынимал бумажники у загулявших купцов и даже не уходил из ресторана.

Пашка завел было с новичком профессиональный разго-

вор, но в ответ получил только насмешливый взгляд.

Еще Пашка слышал, что Серж промышляет наркотиками, но не поверил этому, так как Серж сам нюхает кокаин. А точно известно, что торговцы боятся своего зелья как черт ладана и никогда его не употребляют. А этот всегда таскает в кармане трубочку, водку не пьет и ест очень мало. Типичный наркоман. Уж таких-то Пашка перевидал за свою жизнь.

Пашка поправил примус, похлопал по медному боку чайника и пошел в комнату.

Вытянув длинные худые ноги в сверкающих новых штиблетах, Серж сидел в кресле и листал журнал с голыми бабами, который всегда лежал у Нинки на столе.

– Интересуешься? – спросил Пашка, бросил полотенце на кровать и задернул занавеску.

– Только в натуре.

Серж отложил журнал и стал выстукивать какой-то марш.

Пашка посмотрел на наманикюренные руки, на черный перстень на мизинце и завистливо вздохнул:

– Богатые у тебя руки, Серж. Мягкие, узкие и не дрожат. Как это тебе удастся, чтобы руки не дрожали? Ты же нюхаешь?

– Хочешь? – Серж опустил руку в карман. – Обычно не даю, а тебе – пожалуйста.

– Перебыюсь, – Пашка закурил и бросил папиросы на стол. – Серж, ответь мне на один вопрос.

– Ну? – Серж отодвинул папиросы и достал пачку дорогих

французских сигарет. – Спрашивай.

– С каких доходов ты живешь? – Пашка придвинулся ближе и почувствовал тонкий аромат духов. – Ты не деловой, это сразу видно.

Серж закурил, откинулся в кресле и пустил тонкое голубоватое кольцо.

– Ты малокультурен, Павел, раз задаешь подобный вопрос.

– Слушай-ка, ты, француз из недобитых, – Пашка встал. – Не знаю, чем ты купил отца Василия, что он перед тобой на карачках ползает...

– Чайник уже вскипел, – Серж посмотрел Пашке в глаза и улыбнулся.

Пашка принес чайник, разлил чай в чашки и посмотрел в ленивое лицо гостя. Он решил не отступать.

– А что ты делаешь каждый день в “Трех ступеньках”? Пить не пьешь. Девочки, как я видел, тебя не интересуют. Не наш ты, Серж. Ребята нехорошее про тебя думают. Так и неприятность может выйти. Народ у нас горячий, да и каждому своя шкура дорога.

– Пардон, Павел, я не понимаю, о чем ты говоришь.

Пашка смотрел, как Серж прихлебывает чай, как он косит на него насмешливым глазом, и видел, что тот все понимает и просто забавляется.

– Шлепнут тебя. Тогда поймешь.

– Тогда ничего не поймешь, – Серж отодвинул чашку. –

Чему быть, того не миновать. Как это по-французски, Павел? – он снова закурил. – Из тебя сыщик не получится. Слишком ты поговорить любишь. Да и торопишься изрядно. А сыщик должен уметь слушать, а не говорить, – он достал из кармана пилку и, шлифуя ногти, продолжал поучать: – Смотри, сколько ты ошибок наделал. Не ты ко мне пришел, а я к тебе. Визит, надо сказать, неожиданный, значит, говорить должен я. А ты должен слушать. Вместо этого ты набрасываешься на меня со своими вопросами да еще запугиваешь. И откуда у тебя вдруг эти вопросы? – Серж посмотрел на Пашку. – Что молчишь? Чем же я тебя так заинтересовал?

Пашка был уже не рад, что начал этот разговор. Видно, Серж – орешек не по его зубам. А ведь возраста почти одного. Сразу видно, что этот черт из барской семьи и наукам обучался. Ишь как говорит. Чисто адвокат.

– Интересуешься, потому что Серый попросил. Серж опять занялся ногтями, потом неожиданно поднял голову, встретился с Пашкой глазами, рассмеялся и сказал:

– Угадал. Плохи дела у Серого, если он к тебе за помощью обратился. Я неделю назад понял, что красные сыщики ему на хвост наступили. Что же ты обязан сделать? Дырку найти? И решил начать с меня? Ну-ну. Попробуй. Только учти мои советы и не горячись. Если я тот самый, так ты можешь отсюда и не выбраться. Милиция напротив, да и у меня для этого случая должен быть наган в кармане.

Серж был явно доволен разговором. Он бросил пилку и

смотрел Пашке в лицо с откровенной издевкой.

Пашка приободрился. Смотри, как много знает барчук. И не скрывает этого. Значит, не так уж плохи Пашкины дела, если не он один знает секреты Серого. Надо будет шепнуть Серому, что Серж в курсе дел. А откуда он знает? Может, он и есть тот мент? Пашка исподтишка посмотрел на Сержа и стал разливать чай.

Серж отвернулся, достал из кармана белую трубочку, глаза у него сузились и смотрели куда-то далеко, будто видели сквозь стену.

Неожиданная мысль заскочила Пашке в голову.

– Дай-ка понюхать, – сказал он и взял Сержа за руку. – Никогда не пробовал.

– Пожалуйста.

– Кокаин, говоришь? Как это делается? – он вынул ватку, поднес трубочку к ноздре и посмотрел на Сержа. – А может, и не кокаин совсем?

– Попробуй.

– И попробую, – Пашка зажмурил глаза и сильно втянул носом. В носу и голове стало холодно, потом – легко и бездумно. Лицо Сержа увеличилось, расплылось и то ли скривилось в усмешке, то ли рассмеялось. Пашка сел и затряс головой. – Вот шибануло, – с усилием сказал он.

Серж держал склянку в руках, нюхал, и по его лицу Пашка понял, что тот сейчас ничего не слышит. А может, этого барчука Серый подослал? Может, проверяют Пашку? Вряд

ли налетчик расколется перед таким чистоплюем. Да Пашка ничего и не сказал такого.

Даже наоборот. Он решил помалкивать и побольше слушать. Серж нанюхался кокаина и, наверное, начнет сейчас откровенничать.

– Составим план дальнейшей беседы? – спросил Серж, как только Пашка вошел в комнату.

– Что ты меня на характер берешь? Что тебе нужно? Зачем пришел? Выкладывай, – вспылil Пашка, отказываясь от только что выбранной тактики.

– А как насчет Серого? Ты же ему помогать должен. Надо же выяснить, что я за птица? Может, я оттуда? – Серж показал на окна.

– Меня вчера про Серого еще один человек пытал, – перешел в наступление Пашка.

– Случайно не Климов ли? – Серж показал на окна.

– А ты откуда так много знаешь? Фамилию его, например?

– Догадливый я очень. Да и друзья мы с местным начальником, – Серж вынул из кармана носовой платок и, прикрыв им рот, зевнул. – А если серьезно, то приходилось беседовать. Я не согласен с его концепцией, коллега. У меня одни взгляды на жизнь, у Климова – другие.

– Концепция – это взгляды? Да?

– Примерно.

– Так ты попроще говори, Серж. Если ты будешь эту самую концепцию загибать, а я на блатную музыку перейду,

мы с тобой никогда не договоримся. Ты же по-блатному не понимаешь?

– Уел, – Серж рассмеялся. – Тут ты меня умнее, это точно, – он испытующе посмотрел на Пашку, что-то взвешивая. – У меня вопрос к тебе ерундовый. Так, безделица одна, – Серж встал, одернул сюртук и взял в руки трость. – А, черт! – он бросил трость и снова сел. – Не выдашь ты меня Серому?

– Стоп, – Пашка протестующе выставил руки. Умолкни и заворачивай отсюда. Я не копилка для секретов. Мне вчерашнего разговора вот так хватает, – он провел ладонью над головой. – Во! Видал? Разбирайтесь сами. Расселся здесь. Может, я – то? А может, то? Иди-ка добром. А нет – айда в уголочку, там и решим...

– Только без этого, – Серж вскочил, и трость лопнула у него в руках.

Пашка посмотрел на вытянувшееся лицо и рассмеялся.

– Чего это у тебя с начальником разное-то? – спросил он.

– Концепция, – ответил Серж и опустил в кресло.

– Где Нинка?

– Я ее отослал. Мне с тобой надо с глазу на глаз поговорить. Очень надо.

– Что-то не получается у нас с тобой разговора. Муть одна.

– Сядь на минуточку. Пашка вздохнул и сел.

– Не вздыхай, сейчас все поймешь. Это я виноват, что у

нас разговор не клеится, – Серж закурил, несколько раз жадно затянулся и раздавил сигарету. – Ситуация, то есть положение, – поправился он, – таково. Тебе надо искать дырку, или, как вы говорите, мента. Если ты его не найдешь, то... – Серж выразительно щелкнул пальцами. – Верно?

Пашка кивнул.

– Если найдешь – то же самое, но через некоторое время, – Серж снова щелкнул пальцами. – Ну, это дело твое. А может, ты и успеешь, как вы выражаетесь, смотаться. Сейчас Серому надо доказать, что ты ему необходим. Так я берусь помочь. Ясно? Теперь вопрос, – Серж поднял палец и внимательно посмотрел Пашке в глаза, – зачем мне это надо и что я хочу за эту помощь получить? Во-первых, мне нужна Варвара. Хочешь верь, хочешь не верь, но это так. Каждому свое. И здесь мне помочь можешь только ты. Как, я потом объясню. Во-вторых, у меня с Климовым свои счета, о которых тебе знать не обязательно. Все понял?

– А как ты мне поможешь? Ты знаешь этого мента? – спросил Пашка, подаваясь вперед.

– Не совсем, – задумчиво протянул Серж, – есть некоторые сомнения. – Он замолчал, что-то взвешивая. – Цыган, понимаешь ли, того, – Серж сделал рукой неопределенный жест, – подозрителен.

– Цыган? Кореш Серого? Ты что, спятил? – Пашка вскочил и хлопнул себя по бедрам. – Да Серый за Цыгана глотку перервет. Цыган его с последнего дела чуть не на себе вынес.

Знаешь это?

– Мне бандитские одиссеи ни к чему. Они только размышлять мешают. Я знаю то, что вижу своими глазами. Этот парень появился недель шесть назад. С тех пор у Серого неудачи. Ты посмотри, Пашка, как Цыган одевается, как держится. Он не пьет, не гуляет с девками, – Серж прищурился и громко щелкнул языком. – Как? Ты видел таких налетчиков, Павел? Поверь моему чутью, он не ваш, этот Цыган, – Серж встал, рассмеялся, потом снова сел и долго смотрел на Пашку, улыбаясь.

Пашка вспоминал. И чем больше вспоминал, тем больше убеждался, что Серж говорит правду. Цыган выделялся среди ребят Серого сдержанностью и хладнокровием, собранностью и какой-то военной подтянутостью. Недавно Пашка слышал, как Цыган отчитывал силача Свистка за то, что он проломил голову сторожу. Называл его висельником и мокрушником. Говорил, что в случае неудачи уголовка шлепнет Свистка в первую очередь, и хвастался, что за ним, Цыганом, мокрых дел нет.

– И вот еще что, Павел, – прервал Серж размышления Пашки, – попробуй поговорить с ним на блатном жаргоне. Уверен, что он ни черта не поймет.

– Попробую, – Пашка сморщился, пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль, что-то связанное с Цыганом. А может быть, с Сержем? – Попробую, – повторил он и тряхнул головой, – только этого будет мало для Серого. Цыган вро-

де и не калякал, что он из блатных. Он вроде этот самый, – Пашка покрутил пальцем у виска, – с мыслями.

– Идейный, что ли? – спросил Серж. – Во-во! Идейный, – обрадовался Пашка.

– Надо поинтересоваться его идеями. Боюсь, что они красного цвета, с большевистским оттенком. Ненавижу, – Серж хрустнул пальцами, – идейных особенно ненавижу. Ничего, за все посчитаемся.

Пашка впервые увидел в лице Сержа столько злобы. Обычно флегматичный и барственно-ленивый, Серж сейчас был похож на эпилептика во время припадка. Глаза закрылись, ноздри вздрагивали, раздувались, а полные, обычно яркие губы растянулись тонкими серыми пиявками. Между ними проглядывали острые зубы.

– Я передумал, – Серж вытер лицо платком, – я передумал, Павел. Расскажи Серому о нашей беседе. Только про Цыгана ни слова. Просто скажи: Серж хочет и может помочь. Надо же, до такого фортеля додумались! Своего человека засунули в самую душу. А Цыгана сейчас трогать нельзя.

– Это почему же? Надо только точно разнюхать. Чтобы ошибки не вышло, – Пашка почесал в голове. – Ну и силен ты, Серж. Завариваешь кашу.

– Торопиться сейчас нельзя, – Серж опять был спокоен и рассудителен, – надо найти второго, – и, встретив недоуменный взгляд Пашки, пояснил: – Не может он быть один. Информацию надо как-то передавать. Да и трудно одному.

Пашка оценил сообразительность собеседника и спорить не стал.

Пашка скатился по ступенькам в трактир и остановился на пороге, чтобы перевести дух. Ощущение было такое, будтоходишь в парную. Вместо пара – папиросный дым, вместо запаха березы – водочно-табачный перегар. Залу наполнял монотонный гул голосов, изредка прерываемый громким возгласом или визгом девчонки. Но гул поглощал этот всплеск, равномерно растекался по стенам и потолку и гас где-то в опилках под ногами.

Пашка втянул сквозь зубы густой воздух и оглядел зал. Два стола занимала артель ломовиков. Видно, обмывают удачный подряд. Рядом красноармеец с барышней сидят за бутылкой портвейна. Три девочки отдыхают от бесцельной ходьбы и, наверное, обсуждают скупость и вероломство мужчин. Офицер – седой мужчина с породистым небритым лицом – играет на гитаре и поет:

Как бы мне, рябине, к дубу перебраться...

Дальше все тонет, как в пороховом дыму. Пашка сунул руки в карманы и вразвалочку пошел к стойке.

– Привет, Америка, – сказала девочка с острым носиком и впалыми щеками, – присядь к нам, изобрази кавалера.

Пашка взял ее за ухо.

– Ты же меня не любишь, пацанка. Зачем зовешь?

– Люблю, – девчонка улыбнулась, – люблю, Америка. Только я Нинку боюсь. Она за тебя глаза выцарапает.

– Стой, – Пашка хлопнул в ладони и присвистнул, – так это ты недавно у меня на улице папиросу просила?

– Я, – девчонка смутилась.

Ее соседка откинула коротенькую вуаль и заулыбалась, блондинка напротив стала поправлять якобы сползающую на чулке резинку.

– Вы что, ошалели, девки? – Пашка сел на стул и поглядел в напудренные, яркогубые лица. – Я что вам, клиент?

Остроносая отвела глаза и тихо сказала:

– Угости, Паша.

– Николай! – крикнул Пашка и ударил кулаком по столу.

Половой, как мячик, вкатился в зал, смахнул со стола несуществующие крошки и, склонив блестящую от бриолина голову, подобострастно проговорил:

– Слушаю-с, Америка?

– Бутылку вина.

– Водки, – поправила блондинка.

– Поесть.

Пашка посмотрел в глазастое лицо девчонки и взял полового за рукав.

– Ты что же, паскудина, не видишь: люди голодные сидят?

– Так ведь их, почитай, за день больше дюжины зайдет. И корми каждого, – половой развел руками, – хозяин в момент накостыляет.

– У, жмотина, быстро тащи ужин! Заказывайте, девочки, – Пашка поднялся и пошел в глубь зала.

За одним из столов он увидел Сержа, который сидел с неизвестной Пашке женщиной и, улыбаясь, что-то шептал ей в самое ухо. Дамочка прижимала к губам фужер с вином, молча млела рядом с красавцем Сержем и косила на него влажными глазами. За этим же столом сидел... Пашка чуть было не споткнулся... сидел Цыган. Он, улыбаясь, что-то говорил Сержу, а тот согласно кивал и тоже улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.